

Из «Норт джерси газетт»

18 апреля 1986 г.

В ЛЕСУ НАЙДЕН ДИКИЙ МАЛЬЧИК

История «Маугли из Уэствилла» окутана тайной
Уэствилл, Нью-Джерси

Пожалуй, самое диковинное происшествие последних лет: неподалеку от Уэствилла в государственном заповеднике Рамапо-Маунтин найден одичавший мальчик возрастом от шести до восьми лет. Что еще более странно, власти понятия не имеют, чей это ребенок и как давно он живет в лесу без взрослых.

«Прямо как Маугли из „Книги джунглей“, — удивляется Орен Кармайкл, заместитель шефа полиции Уэствилла.

Мальчик говорит по-английски и понимает человеческую речь, но не помнит своего имени. Первыми ребенка заметили Дон и Лесли Кац, туристы из Клифтона, Нью-Джерси. «Мы собирали мусор после пикника и вдруг услышали шорох, — говорит мистер Кац. — Сперва я решил, что в кустах медведь. Само собой, испугался. Но потом мы увидели бегущего мальчишку — ясно, как на ладони».

Через три часа сотрудники заповедника и местной полиции нашли ребенка — оборвыша, кожа да кости — на импровизированной палаточной стоянке. «Нам не удалось выяснить, как долго он пробыл в заповеднике и как туда попал, — говорит начальник полиции государственного заповедника Тони Оригемма. — Он не

помнит ни мать с отцом, ни других взрослых. Мы послали запросы по всем силовым структурам, но пока что без толку: о пропавших мальчиках такого возраста и с похожей внешностью никто не заявлял».

За последний год туристы не раз сообщали, что видели в заповеднике Рамапо-Маунтин «одичавшего мальчика», или «Тарзанчика», подходящего под описание найденного ребенка, но до недавнего времени к подобным свидетельствам относились как к городской легенде.

Джеймс Миньоне, турист из Морристауна, Нью-Джерси, говорит: «Такое впечатление, что мать родила парня в лесу да там и бросила».

«Не припомню такой странной находки, — говорит начальник полиции заповедника Тони Оригемма. — Непонятно, как давно ребенок живет в лесу: несколько дней, недель или месяцев. Или даже лет, будь я неладен».

Если вы располагаете информацией об этом мальчике, непременно свяжитесь с департаментом полиции Уэствилла.

«Наверняка кто-то что-нибудь да знает, — говорит заместитель шефа полиции Кармайкл. — Ведь мальчик не возник из ниоткуда. Так не бывает».

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

23 апреля 2020 года

Как она только терпит?

Как терпит эту пытку каждый божий день?

Изо дня в день. Из недели в неделю. Из года в год.

Она сидит в школьном актовом зале, не мигая смотрит в одну точку, прямо перед собой, но ничего не видит. Ее тело словно каменное изваяние. Лицо словно каменная маска. Она просто смотрит прямо перед собой.

Вокруг одноклассники, но она никого не видит, даже Мэтью. Ее дергают, но она не отвечает, а ее все равно дергают. Пацаны — Райан, Крах (да, это имя, а не кличка), Тревор, Картер — обзываются, шепчут на ухо всякие гадости, дразнят, хохочут презрительно. Могут и швырнуть чем-нибудь — то скрепкой, то резинкой, то козьявкой из носа. Рвут бумагу, жуют обрывки, чтобы получились мокрые шарики, и запускают в нее этими шариками то оттуда, то отсюда.

Если шарик застрял в волосах, пацанам еще смешнее.

Девочка сидит, словно изваяние, а зовут ее Наоми. Не стряхивает с волос бумажные шарики, лишь смотрит в одну точку. Никаких слез на глазах. Мэтью помнит, что пару-тройку лет назад, когда ее дразнили бесконечно и безжалостно, в глазах у нее стояли слезы.

Но это в прошлом.

Мэтью смотрит со стороны. Не вмешивается.

Учителя уже привыкли, почти не обращают внимания. Один ворчит утомленно: «Ладно тебе, Крах, заканчивай», но и Крах, и остальные пропускают это замечание мимо ушей.

Наоми тем временем сидит, словно каменное изваяние, сидит и терпит.

Надо бы положить этому конец. Но Мэтью не вмешивается. Однажды уже вмешался, хватит с него.

Ничем хорошим это не закончилось.

Мэтью вспоминает тот момент, когда Наоми впала в немилость. Ведь в начальной школе это была нормальная веселая девочка. Вечно улыбалась, Мэтью как сейчас помнит. Ну да, донашивала чужую одежду и голову мыла через раз. Девчонки ее за это поддразнивали, но слегка. Все было нормально, пока однажды ей не стало совсем худо, пока ее не вырвало на уроке у миссис Уолш, в четвертом классе, вырвало так, что струя отрикошетила от линолеума, осыпала Кима Роджерса и Тейлора Расселла бурными брызгами, а вонь стояла такая невыносимая, что миссис Уолш велела всем выйти из кабинета, всем, включая Мэтью, и все, зажав носы, с криками «Фу-у!» выбежали на кикбольшое поле.

В тот день жизнь Наоми изменилась раз и навсегда.

Мэтью то и дело вспоминал тот день. Ей что, нездоровилось? Отец что — к тому времени мамы у Наоми уже не было, — выгнал ее в школу? Останься она дома, может, ничего и не было бы? Может, все дело в той рвоте, или Наоми по-любому свернула бы на эту темную ухабистую дорожку и тащилась бы по ней, принимая муки?

Снова бумажный шарик в волосах. Снова оскорбления. Снова глумеж и насмешки.

Наоми сидит и ждет, когда все это закончится.

Хоть ненадолго, но закончится. Хоть на сегодня. Она же знает, что это не закончится насовсем. Ни сегодня. Ни завтра. У мучений бывают паузы, но недолгие. Мучения идут с ней рука об руку.

Как она только терпит?

Иной раз — например, сегодня — Мэтью и правда за всем наблюдает. Хочет как-нибудь помочь.

В остальные же дни, а таких большинство, ему все равно. Ясное дело, в те дни Наоми донимают не меньше, но это происходит так часто, выглядит так буднично, что воспринимается как фоновый шум. Мэтью уже успел познать неприглядную истину: к жестокости вырабатывается иммунитет. Жестокость становится нормой. Ты принимаешь ее как должное и живешь себе дальше.

А что Наоми? Что, тоже приняла ее как должное? У Наоми тоже выработался иммунитет?

Этого Мэтью не знает. Но Наоми изо дня в день приходит в школу, в классе сидит за последней партой, в актовом зале — в первом ряду, в столовой — за угловым столиком, и никто к ней не подсаживается.

А однажды — через неделю после этого собрания — она не придет.

Однажды Наоми исчезнет.

И Мэтью захочет узнать почему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— По нему тюрьма плачет, без вопросов, — заявил в прямом эфире специально приглашенный эксперт-хипстер.

Собравшись парировать этот выпад, Хестер Краймштейн краем глаза заметила за студийными софитами парня, похожего на ее внука. Свет был яркий, а парень стоял за ним, в тени, но все равно чертовски смахивал на Мэтью.

— Э-э, смелое заявление, — сказал ведущий, в прошлом весьма симпатичный выпускник дорогой частной школы. В эфире он обычно делал озадаченное лицо, словно гости его передачи несли откровенную чушь, даже когда говорили здравые вещи. Таков был его основной полемический прием. — Что скажете, Хестер? — Вид Мэтью — сто процентов, это Мэтью — выбил ее из колеи. — Хестер?

Так, напомнила она себе, сейчас не время отвлекаться. Соберись.

— Вы омерзительны, — сказала Хестер.

— Простите?

— Вы не глухой. — Она прожгла эксперта-хипстера своим знаменитым взглядом. — Вы омерзительны.

Зачем явился Мэтью?

Раньше внук никогда не приходил к ней на работу без предупреждения — ни в кабинет, ни в суд, ни в телестудию.

— Вы не могли бы развить свою мысль? — спросил ведущий.

— Запросто, — ответила Хестер, не сводя пламенеющего взгляда с эксперта-хипстера. — Вы ненавидите Америку.

— Чего?

— И правда, — продолжала Хестер, воздев руки, — зачем нам какая-то судебная система? Какой от нее толк, когда есть общественное мнение? Не нужно ни судьи, ни присяжных. Пусть решение принимает толпа из «Твиттера».

Эксперт-хипстер сел ровнее.

— Я так не говорил.

— Именно так вы и сказали.

— Есть улики, Хестер. Четкое и ясное видео.

— У-у-у, видео! — Она пошевелила в воздухе пальцами, словно речь зашла о привидении. — Опять двадцать пять: не нужно ни судьи, ни присяжных. Хватит толпы из «Твиттера». Под вашим благожелательным руководством.

— Я не...

— Цыц! Дайте договорить. Ох, прошу прощения, забыла, как вас зовут. Про себя я называю вас «эксперт-хипстер», а вслух буду называть «пижоном» — ладно, пижон? — Эксперт-хипстер открыл было рот, но Хестер не умолкала. — Вот и славно. Скажите, пижон, какое, по вашему мнению, наказание будет справедливым для моего клиента? Раз уж вы взялись судить, виновен он или нет, давайте заодно и приговор.

— Меня зовут, — хипстер поправил хипстерские очки, — Рик. И все мы видели запись. Ваш клиент ударил человека по лицу.

— Спасибо за столь дотошное расследование. Знаете, что было бы здорово, пижон?

— Меня зовут Рик.

— Рик, пижон — без разницы. Было бы здорово, реально здорово, если бы вы со всей своей толпой стали принимать решения вместо нас. Прикиньте, какая экономия времени. Выкладывали бы видео в соцсети, смотрели бы комментарии и решали, виновен человек или нет. Смотря чего больше, лайков или дизлайков. Не нужно ни свидетелей, ни показаний, ни улик. Хватит одного судьи, пижона Рика.

Эксперт-хипстер начинал краснеть.

— Все видели, как ваш богатый клиент поступил с тем беднягой.

— Прежде чем продолжить, — вмешался ведущий, — давайте еще раз покажем видео. Для тех, кто смотрит нас не с самого начала.

Хестер хотела было возразить, но этот ролик крутили уже бесчисленное множество раз и будут крутить снова и снова, и если выразить протест, она, во-первых, ничего не добьется, а во-вторых, ее клиент, обеспеченный финансовый консультант по имени Саймон Грин, будет выглядеть еще более виновным.

И, что самое важное, на эти несколько секунд Хестер исчезнет с телеэкранов. А это значит, можно будет поискать глазами Мэтью.

Вирусное видео — четыре миллиона просмотров, и это лишь для начала, — снял на свой айфон какой-то турист в Центральном парке. На экране клиент Хес-

тер, Саймон Грин, в идеально сидящем костюме под стать галстуку фирмы «Гермес», завязанному на идеальный виндзорский узел, поднимал кулак и бил по лицу босоногого растрепанного юношу, наркомана по имени Аарон Корваль.

Из носа у Корваля хлынула кровь.

Картина была поистине диккенсовская — мистер Привилегированный Богатей ни с того ни с сего наносит подлый удар Бедному Беспризорику.

Хестер, вытянув шею, бросила быстрый взгляд за студийные софиты, на Мэтью, пытаясь заглянуть ему в глаза. Ее часто приглашали в новости на кабельный канал исполнять роль эксперта по правовым вопросам, а дважды в неделю «знаменитый адвокат» Хестер Краймштейн вела на том же канале собственную передачу под названием «Краймштейн и криминал». Фамилия ее была не вполне созвучна слову «криминал», но руководство решило, что в бегущей строке такое название выглядит в достаточной мере «телегенично», да и звучит весьма цепко. На том и порешили.

Внук ее стоял в тени. Хестер видела, что Мэтью места не находит своим рукам — так же как его отец. Глубоко в груди у нее кольнуло, на мгновение стало нечем дышать. Она подумала, не стоит ли по-быстрому подойти к Мэтью и узнать, зачем он пришел, но видеоролик уже закончился, и пижонистый хипстер Рик бил копытом и рвался в бой.

— Видели? — С губ его слетела капля слюны и нашла пристанище у него в бороде. — Все яснее ясного. Ваш богатый клиент без причины набросился на бездомного.

— Вы не знаете, что там было до начала записи.

— Не вижу разницы.

— А она есть. Именно для этого нам нужна система правосудия. Чтобы бдительные граждане вроде вас не сбились в стаю и не отправились линчевать невинного человека.

— Ого, линчевать? Разве я такое говорил?

— Еще как говорили. Признайте уже. Вы хотите, чтобы моего клиента, отца троих детей, человека без уголовного прошлого, немедленно бросили за решетку. Без суда и следствия. Ну же, пижон Рик, не сдерживайтесь, выпустите на волю своего внутреннего фашиста. — Хестер забарабанила по столу, напугав ведущего, и принялась нараспев декламировать: — За ре-шет-ку, за ре-шет-ку!

— Перестаньте!

— За ре-шет-ку!

Хипстера пронял этот речитатив. Лицо его побавровело.

— Я вовсе не об этом. Вы нарочно делаете из мухи слона.

— За ре-шет-ку!

— Хватит. Я не призываю бросить его за решетку.

У Хестер был особый дар: она умела говорить на разные голоса и нередко пользовалась этим даром в зале суда, чтобы тонко — а иной раз и не очень тонко — подложить свинью прокурору. Ловко пародируя пижона Рика, она дословно повторила его фразу:

— По нему тюрьма плачет, без вопросов.

— Это уж как суд решит, — сказал пижонистый хипстер Рик, — но допускаю, что, если человек так себя ведет, если он при свете дня бьет других людей по лицу, его нужно наказать. Например, уволить с работы.

— Почему это? Потому что так сказали в «Твиттере» — вы, Гигиена-полости-рта и Ноготки-для-дам-шестьдесят-девять? Вы же не знаете, как все было. Даже не знаете, настоящая ли это запись.

Ведущий изогнул бровь:

— Хотите сказать, что видео поддельное?

— Вполне может быть. Вот смотрите, был у меня другой клиент, женщина. Ее довольное лицо прифотошопили к картинке с мертвым жирафом и подписали: вот, мол, охотница застрелила жирафа. Дело рук ее бывшего мужа, он решил ей за что-то отомстить. Представляете, какой ушат грязи на нее выплеснули?

Неправда, конечно, — Хестер только что выдумала эту историю, — но такое вполне могло случиться. Иногда этого было достаточно.

— Где сейчас ваш клиент Саймон Грин? — спросил пижонистый хипстер Рик.

— А это вы к чему приплели?

— Он дома, верно? Вышел под залог.

— Он невиновен. И он прекрасный человек, достойный отец семейства...

— И богач.

— Что, теперь хотите отказаться от системы выхода под залог?

— Белый богач.

— Вот послушайте, пижон Рик, мне уже ясно, что вы человек «бдительный» и все такое и у вас крутая борода и хипстерская шапочка, — кстати, это Кангол? — но в поисках легких ответов вы затрагиваете расовый вопрос. А любой, кто затрагивает расовый вопрос, выглядит весьма бледно.

— Э-э, не отклоняйтесь от темы...

— Нет, сынок, я не отклоняюсь, так что молчи и слушай. Разве непонятно, что это вопрос ненависти? Разве неясно, что ты уподобляешься расистам?

— Взгляните на дело под другим углом, — сказал пижон Рик. — Будь Саймон Грин чернокожим бедняком, а Аарон Корваль — богатым белым...

— Они оба белые. Не переводите разговор в расовую плоскость.

— Расовая плоскость — это основа основ, ну да ладно. Если оборванец ударит белого человека в костюме, Хестер Краймштейн не будет его защищать. И этот оборванец мигом окажется в тюрьме.

«Хм, — подумала Хестер. — А Рик-то парень не промах, даром что пижон».

— Хестер? — окликнул ее ведущий.

Время передачи заканчивалось, поэтому Хестер всплеснула руками:

— Если пижон Рик говорит, что я отличный адвокат, кто я такая, чтобы ему перечить?

В зале засмеялись.

— И наше время подошло к концу. Далее в нашей программе: последние споры вокруг Расти Эггерса, новичка в политике, но уже кандидата в президенты. Какой он — практичный или безжалостный? Правда ли, что он самый опасный человек в Америке? Не переключайтесь на другой канал.

Хестер вынула наушники и отцепила микрофон. Когда пустили рекламный блок, она встала и направилась в другой конец студии, к Мэтью. Какой же он высокий, снова стал похож на отца. В груди опять кольнуло, на сей раз сильнее.

— Как мама? — спросила Хестер.

— Нормально, — ответил Мэтью. — У всех все нормально.

Хестер не сдержалась. Обняла подростка (тот, наверное, смутился), сдавила его так, что чуть кости не затрещали, хотя росту в ней было всего лишь пять футов два дюйма и Мэтью перерос ее почти на фут. Все яснее и яснее она видела в нем черты его отца. В детстве Мэтью был не особенно похож на Дэвида, когда тот был еще жив. Теперь же — стать, походка, беспокойные руки, морщинка на лбу... Сердце Хестер заходило снова и снова. Зря, конечно. Ей бы радоваться, что во внуке эхом отзывается ее сын, словно частичка Дэвида пережила ту аварию. Но вместо этого призрачные когти рвали ей душу, раздирали старые раны спустя столько лет, и Хестер все думала, стоит ли терпеть эту боль. Может, не стоит ее терпеть? Вопрос, конечно, риторический. Выбора у нее не было, да и не нужен ей был тот выбор. Отказаться терпеть эту боль, покончить с ней однажды, пожалуй, худшее из предательств.

И поэтому она, крепко зажмурившись, обнимала внука. Тот похлопал ее по спине, словно хотел приободрить.

— Бабуль? — Так он ее называл. Бабуль. — Ты в норме?

— Не жалуюсь.

Кожа у Мэтью была темнее, чем у отца. Мать его, Лейла, была чернокожая, и Мэтью похож был на чернокожего, или на цветного, или на дитя смешанного брака, или как их там теперь называют. Возрастом, конечно, не прикроешься, но Хестер было за семьдесят, хоть она и говорила всем, что перестала считать годы,